

Иван Киреевский. Царицынская ночь.

OCR Pirat

Ночь застала веселую кавалькаду в двух верстах от Царицына. Невольно изменили они быстрый бег лошадей своих на медленный шаг, когда перед ними открылись огромные пруды – красноречивый памятник мудрого правления Годунова. Шумные разговоры умолкли, и тихие мысли сами собой пошли разгадывать прошлую жизнь отечества.

Между тем взошел месяц. Он осветил неровную, узкую дорогу, открыл дальние поля и рощи и отразился в спокойных водах. Ночь была тихая; на небе ни одной тучи, и все звезды [сияли].

Владимир первый прервал молчанье. "Мне пришла мысль, – сказал он, – представить Борисово царствование в романе. Нет ничего загадочнее русского народа в это время. Не все же кланялись восходящему солнцу. Представьте же себе человека, который равно ненавидит Годунова как цареубийцу-похитителя, и Гришку как самозванца; к чему привяжет он слово отечество? Мне кажется, здесь в первый раз русский задумался об России.

К тому же голод, чума, бесплодные войны, беспрестанные восстания народа и все бедствия того времени должны были невольно связать умы в одно общее стремление; и этим только объясняется после возможность успехов Минина и Пожарского.

Пруды эти, где работали тысячи, собранные со всех концов государства, вероятно, также немало помогли мыслям перебродить в народе. Но для романа я избрал бы человека, не названного историею, воспитанного при дворе Грозного во всех предрассудках того времени, и старался бы показать, как сила обстоятельств постепенно раскрывала в нем понятие лучшего, покуда наконец польское копьё не положило его под стеной освобожденного Кремля".

"Конечно, такое лицо будет зеркалом того времени, – сказал Фальк, – и работа даст много пищи воображению и сердцу. Но берегись только, чтобы не нарядить девятнадцатый век в бороду семнадцатого".

"Неужели ж ты думаешь, – отвечал Владимир, – что, переносясь в прошедшее, можно совершенно отказаться от текущей минуты. А когда бы и можно было, то должно ли? Только отношения к нам дают смысл и цену окружающему, и потому одно настоящее согревает нам историю".

"Да, – сказал Черный, – кому прошедшее не согревает настоящего".

Завязался спор; но скоро остановило его новое явление: из-за рощи показался гроб – царский дворец.

"Все строенья Баженова, – сказал Вельский, – замечательны какою-нибудь мыслью, которую он умел передать своим камням, и мысль эта почти всегда печальная и вместе странная. Кому бы пришлось в голову сделать гроб из потешного дворца Екатерины?

А между тем какая высокая поэзия: слить земное величие с памятью о смерти и самую пышность царского дворца заставить говорить о непрочности земных благ. Этот недавний дворец для меня красноречивее всех развалин Рима и Гишпани".

"Он сам развалина, – сказал Фальк, – Екатерина никогда не жила в нем, и от самого построенья он оставался пустым, а теперь без окон и дверей. Мысль поэта-художника, говорят, не понравилась государыне".

В таких разговорах друзья приблизились к саду, переехали мост, у трактира сошли с лошадей и, отправляясь осматривать красоты Царицына, не позабыли заказать себе сытного ужина.

Отвязавши широкую лодку и закулив трубки, друзья пустились гулять по гладкому пруду. Тишина, лунная ночь, качанье лодки, равномерные удары весел, музыкальное плесканье воды, свежесть воздуха, мрачно-поэтический вид окружающего сада – все это настроило их душу к сердечному разговору, а сердечный разговор, как обыкновенно случалось между ними, довел до мечтаний о будущем, о назначении человека, о тайнствах искусства и жизни, об любви, о собственной судьбе и, наконец, о судьбе России. Каждый из них жил еще надеждою, и Россия была любимым предметом их разговоров, узлом их союза, зажигательным фокусом прозрачного стекла их надежд и желаний. Все, что таилось в душе самого священного, доверчиво вылилось в слова; и можно сказать, что в эту ночь на Годуновском пруду не раздалось ни одного слова, не теплое мыслию. Правда, если бы человек, испытанный жизнью, потерявший веру в несбыточное, словом, человек опытный, подслушал их неопытные речи,